

«ОТЕЦ» РУССКОГО МАРКСИЗМА ПРОТИВ МАРКСИСТСКОЙ ОРТОДОКСИИ

Феномен ортодоксии в марксизме продолжает оставаться дискуссионным и недостаточно исследованным объектом анализа. Не всегда последователен и убедителен в его оценке и Г.В. Плеханов. Но история подтвердила его правоту в главном: решающая причина поражения большевизма в том, что созданная им модель «вертикали власти» явилась непреодолимым препятствием на пути формирования гражданского общества.

Ключевые слова: марксизм, диалектика, ортодоксия, догматизм, методология, идеология, противоречие между «духом» и «буквой», идентификационный кризис марксизма, менталитет.

Исполнившаяся в декабре 2006 г. юбилейная 150-летняя дата со дня рождения основателя отечественной социал-демократии настраивает на иную, отличную от сформировавшейся прежде тональность в оценке его теоретического наследия. Однако обвинения Плеханова если не в оппортунизме, то в *догматизме* и в постсоветский период продолжают оставаться в отечественной историографии марксизма все тем же несмываемым ленинским «клеймом». И это несмотря на перелицовку в глазах значительной части общества оценочной грани самого ленинизма. Проблема, очевидно, заключается в том, чтобы, отдавая должное Плеханову как выдающемуся теоретику, предвидевшему негативные последствия революционного экспериментаторства, с возможной полнотой и объективностью объяснить причины его прижизненного поражения в диалоге с большевизмом, а следовательно, и факт «исторической правоты» последнего, на что обращал в свое время внимание Н.А. Бердяев.

К сожалению, приходится только удивляться «современной» оценке взглядов Плеханова, демонстрируемой даже вполне объективными исследователями. Достаточно обратиться в этой связи к одному из новейших биографических изданий, чтобы прийти к выводу о том, что процесс разрушения старых идеологических стереотипов и мифов еще далеко не завершился. С.В. Тютюкин – известный российский историк – справедливо возражает против того, чтобы видеть в Плеханове политического деятеля, якобы разочаровавшегося в революции, с искренней симпатией воссоздает летопись его разносторонней и чрезвычайно насыщенной интеллектуальной и политической биографии. Однако после прочтения книги остается неизгладимое ощущение того, что «отец» русского марксизма так и не понял чего-

то весьма существенного как в самом учении, так и в постановке «проблемы... специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России», которой, как полагает биограф, «для Плеханова *практически не существовало*» [1, с. 368] (курсив мой. – М.К.)

Вряд ли можно согласиться с тем, что Георгий Валентинович, сознавая всю меру не только классовой и партийной, но и своей личной ответственности за судьбу страны, обошел стороной вопрос, имеющий для нее первостепенное значение. Другое дело – предложенный им вариант решения, коль скоро он рельефно контрастировал с «русифицированным» по-большевистски марксизмом, на первый взгляд, ему и проигрывал.

Признание того факта, что Россия страдает не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития, казалось бы, решающим образом сближало позиции Ленина и Плеханова. Разрешение этого противоречия, в свою очередь, непосредственно зависело от оценки процесса разложения крестьянской общины – процесса, историческую неизбежность которого Плеханов вынужден был признать на этапе перехода его от народничества к марксизму.

Наличие углубляющегося социального неравенства в деревне зародило у него не дававшие покоя сомнения. По воспоминаниям супруги, Р.М. Плехановой, «казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него *вопросом жизни или смерти*» [2, с. 94] (курсив мой. – М.К.). Продолжая возлагать надежды на аграрную революцию как рычаг радикального преобразования социально-экономических отношений, Плеханов покидает Россию в январе 1880 г. еще во власти народнических представлений об ее особом,

отличном от Запада, пути развития. Но уже в конце 1881 г. пишет П.Л. Лаврову о том, что вопрос о судьбах капитализма в России – дело решенное и все другие пути, мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, для нее закрыты [3, с. 293]. Расставшись с народническими иллюзиями о спасительной роли общины и возможности движения России по некапиталистическому пути, Плеханов, таким образом, прошел через фазу мучительных размышлений на этот счет, чего нельзя сказать о траектории теоретических изысканий Ленина. Он вообще считал не заслуживающей внимания, *надуманной* даже саму постановку народниками проблемы «самобытности» России. Не разделяя уже народнических представлений «о крестьянстве вообще, как о чем-то, – по выражению Ленина, – *антикапиталистическом*», Плеханов вместе с тем, избегает и полемической крайности ленинского утверждения о том, что «русское общинное крестьянство – *не антагонист капитализма*, а, напротив, *самая глубокая и самая прочная основа его*» [4, с. 165]. (курсив мой. – М.К.).

Вся история постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса в России пореформенного периода свидетельствует о том, что он, имея первостепенное значение, явился тем не менее «самым слабым звеном» в логически выстроенной системе российского марксизма. Плеханов в этом отношении не составляет исключения. Приходится с сожалением констатировать, что, выгодно отличаясь от Ленина гораздо меньшей *идеологической* тенденциозностью и соответственно большей последовательностью и принципиальностью в сложнейших теоретических вопросах (в том числе глубокими знаниями в области социальной психологии, позволяющей учитывать особенности российского менталитета), он, несмотря на весь этот набор ценнейших интеллектуально-нравственных качеств, так и не сумел разобраться в некоторых важных нюансах специфики развития аграрного сектора российской экономики с точки зрения его социалистической перспективы. Превратившись вскоре после II съезда РСДРП в теоретического и политического оппонента Ленина, Плеханов не продвинулся в целом дальше него в понимании вектора исторического движения общинного крестьянства, а в вопросе о целесообразности национализации земли даже отступил от этого рубежа.

Подобно Ленину, он не выявляет в марксизме и его внутренней противоречивости как источника развития. Указывая на это обстоятельство, С.В. Тютюкин полагает, что «*внутренние противоречия* были *хорошо прикрыты* блестящими *логическими* построениями Маркса, которые *буквально ослепили* Плеханова» [1, с. 82] (курсив мой. – М.К.). Однако феномен «ослепления» если и объясняет отчасти причину «популярности марксизма» (наряду с тем, «что в то время он еще нигде не был испробован на практике»), то, во всяком случае, такое объяснение нельзя признать *исчерпывающим*, не говоря уже о том, что природу самих «*внутренних противоречий*» биограф Плеханова явно усматривает в их формально-логическом происхождении. Примечательно, однако, то, что, по его словам, Плеханов, «в отличие от Каутского... был убежден, что Бернштейна совершенно *не за что благодарить* и на его *ереси* нужно поставить крест, чтобы другим неповадно было *выискивать в марксизме противоречия* и «узкие» места, подрывая тем самым *веру* пролетариата в грядущую победу» [1, с. 160] (курсив мой. – М.К.).

Сущность сформулированного Э. Бернштейном «расхождения» между идеологическим и научным аспектами марксистской теории Плеханов списывает, руководствуясь в данном случае «общим правилом» всех *ортодоксальных* марксистов, не на «какую-нибудь серьезную теоретическую потребность», а на сугубо «практическую цель», оправдывающую в глазах «критиков» «все теоретические средства: побороть или хотя бы только ослабить... революционную тенденцию передового пролетариата» [5, с. 615]. Следует, однако, заметить, что ссылка на неоднозначную сущность марксизма не была надуманной со стороны его либеральных критиков и подмечена уже, по крайней мере, тогда, когда вышла в свет первая по счету марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» (октябрь 1883 г.). Симптоматично и то обстоятельство, что, критикуя Бернштейна, Плеханов обращает внимание на недопустимость «тех совершенно неясных представлений о диалектике, которыми слишком часто довольствуются даже ортодоксальные марксисты». К числу последних он, распространяя «ортодоксию» на методологию, причисляет и себя. На деле тот факт, что «большинство ортодоксальных марксистов оказалось

наименее сильным именно в защите **диалектики**, – этой, по выражению Плеханова, бесспорной «логической твердыни», – является, разумеется, отнюдь не досадной случайностью.

Тем не менее, вопреки самооценке Плеханова было бы ошибочно, как это еще нередко происходит, причислять его к марксистам *ортодоксального* толка. Под «ортодоксией» понималась тогда в марксизме некая, на поверку весьма *аморфная* альтернатива неадекватному прочтению его ревизионистами. Дело в том, что в условиях озвученного Бернштейном идентификационного кризиса марксизма критериальный эталон не обладал достаточной определенностью и для оппонентов Бернштейна термин «ортодоксия» служил общим «символом веры» (*credo*). Поскольку пафос ревизионизма был направлен непосредственно против диалектической сущности марксизма, вполне естественным казалось убеждение в том, что «ортодоксия», как утверждал позднее по примеру всех сторонников этого направления Д. Лукач, «относится *исключительно* к методу» [6, с. 105]. Однако в практике политической борьбы становилось все более очевидным, что «методологическая ортодоксия» не имеет и не может иметь отношения к диалектической философии, для которой, по выражению Энгельса, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого». Зато она оказывается вполне органичной для идеологической теории, функционально предназначенной прежде всего для того, чтобы выражать и отстаивать классовые интересы. В итоге, будучи отождествлен с идеей «диктатуры пролетариата», этот критерий уже на протяжении целого столетия прочно ассоциируется с приверженностью идеологической «букве» классического марксизма. От демонстрируемого ортодоксами желания «приватизировать» также и «дух», т. е. методологию, этот выбор уже не зависит, ибо ортодоксия неумолимо ее деформирует.

Таким образом, вся сложность заключалась в том, что фактор внутренней противоречивости марксизма, вследствие отождествления методологии с идеологией, радикалами попросту *затушевывался*, а ревизионистами-бернштейнцами признавался, но «расшифровывался» неадекватно (через их однозначное *противопоставление*).

Что касается Плеханова, то в амплуа ортодоксального марксиста он выступил лишь од-

нажды – на II съезде партии, где «отвлеченное», т. е. абстрактное, понимание демократии противопоставил ее «основному принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*». «Благо народа» и «успех революции» оказываются с этой точки зрения синонимичными понятиями, а всеобщее избирательное право и неприкосновенность избранного народом парламента – ценностями весьма и весьма относительными. Правда, Плеханов оговаривает, что ситуация с допустимыми нарушениями демократических принципов мыслится им как сугубо гипотетическая. Выступив в оценке демократических институтов в 1903 г. с позиции революционного максимализма, Плеханов, акцентируя внимание на их «относительной ценности», проявил, конечно, очевидную непоследовательность, но последующий отказ от этого и всемерная их защита свидетельствовали не столько о глубине его революционного «падения» в ортодоксально-доктринальном измерении, сколько о движении в сторону теоретически и политически более взвешенной линии.

Субъективно Плеханов до конца жизни оставался всецело преданным идее «всемирно-исторической миссии» пролетариата. Правда, не менее важно и то, что под «*диктатурой* пролетариата» он фактически подразумевает его *гегемонию*, т. е. *руководящую роль в союзе* со всеми остальными политическими партиями, консолидирующими прогрессивную часть общества. В своем знаменитом «Завещании» (споры о текстуальной идентичности которого продолжаются до сих пор) он идет еще дальше, вплотную приближаясь к пониманию того, что ведущим классом в новых исторических условиях становится уже не индустриальный, а интеллектуальный пролетариат.

Вряд ли сегодня существует необходимость доказывать, что ни героизм народных масс, их решительность и самоотверженность, ни даже сопутствующая этому выдающаяся роль харизматических лидеров, возглавляющих мощные, вполне «боеспособные» партии, не могут сами по себе, без наличия *всей совокупности предпосылок* обеспечить переход к новому общественному строю. Останавливаясь теперь на теоретической позиции Плеханова в рассматриваемом аспекте, нельзя не отметить ее созвучность собственно *научным* выводам Маркса. Но если он вполне «по Марксу» расставлял акценты в трактовке соотношения объективных условий

и субъективного фактора, правомерно ли причислять его к теоретикам, «которые по разным причинам уже *не поспевали* за быстротекущим временем, *не могли адекватно отвечать* на его вызов, *обходили* острые вопросы современности»? [1, с. 369] (курсив мой. – М.К.)

С.В. Тютюкин явно не замечает того, что попадает в порочный круг двойных оценочных стандартов: накопленного исторического опыта, свидетельствующего о пагубности политики большевиков, которые «постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действиям», и их же собственной (т. е. опровергнутой историей, но ставшей на протяжении советского периода *традиционной*) позицией по отношению к инакомыслящим марксистам. Биограф Плеханова, казалось бы, воздаст должное его «*резвому пониманию* того, что социалистической революции должен предшествовать *длительный* процесс ее подготовки и *любой волюнтаризм* может обернуться здесь лишь *дискредитацией самой идеи социализма* с поистине фатальными последствиями... Сегодня, в исторической ретроспекции, – отмечает он, – когда мы уже знаем, к чему пришли в конце концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его *политическая осторожность* и некоторый «*революционный консерватизм*», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников *гораздо предпочтительнее*, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой» [1, с. 374, 373] (курсив мой. – М.К.). Вместе с тем при всем уважении к личности Плеханова, сравнивая его «с другими лидерами российских марксистов – Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким», С.В. Тютюкин полагает, что он «оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере *догматического* варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале». Суть «догматизма», таким образом, выражается в том, что вся «эта генерация марксистов связывала... подготовку пролетарской революции не с *заговорщической* деятельностью узкого слоя фанатиков-революционеров, а с *политическим просвещением и организацией* широких пролетарских масс под руководством марксистской партии» [1, с. 374] (курсив мой. – М.К.).

Даже если допускать наличие во взглядах Плеханова подобного «догматизма», ему было бы неправомерно придавать *критериальное* значение в сопоставлении с ленинской позицией по принципиальным вопросам, поскольку, во-первых, последняя также страдает своего рода «революционным» догматизмом (на что прямо указывает Плеханов), и, во-вторых, вследствие того, что эти «догматизмы» *разнонаправлены и неравнозначны* с точки зрения их фактического влияния на судьбу социалистической идеи. Необходимые для перехода к социализму объективные экономические предпосылки (т. е. «высота развития производительных сил», которой, по признанию самого Ленина, еще «не достигла Россия») – это тот «абстрактно-теоретический» постулат, «педантичное» следование которому оправдано уже постольку, поскольку он служит краеугольным камнем социально-философской концепции Маркса и важнейшим критерием позитивной ориентации социально-преобразующей практики. Ленин не отвергает «это бесспорное положение» в послеоктябрьский период, но возражает против того, «что оно является решающим для оценки нашей революции», которую *просто* «начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов)» [7, с. 377]. Политическая революция, постоянно именуемая им с целью «повышения» ее статуса «социальной», представляет собой тот инструмент радикального преобразования общества, применение которого при отсутствии «объективных экономических предпосылок для социализма» порождает иллюзию его полной и быстродостижимой реализуемости.

Неприятие взятой на вооружение большевиками макиавеллиевской формулы «цель оправдывает средства» явилось для Плеханова осознанным выбором, убеждением, сформировавшимся на основе качественно иного понимания сущности *социальной* революции, не сводимой к революции политической. Последняя, с его точки зрения, является *кульминационным* и именно поэтому хорошо различимым *этапом* социальной революции, образно говоря, вершиной того айсберга, без наличия «подводной» части которого она вообще теряет всякий позитивный смысл. Благодаря такой дифференциации Плеханову удалось *диалектически совместить обе концептуальные доминанты марксизма – методологию и идеологию*, исходя из эпис-

темологической приоритетности первой. С этой предельно широкой, отвергаемой Лениным в силу «абстрактности» социально-философской точки зрения – не обязательно даже быть социалистом, чтобы объективно «работать» на социалистическую революцию. Достаточно, по мысли Плеханова, *способствовать* перед лицом внешнего врага решению общенациональных задач, вытекающих из назревшего «вызова» современности – вхождения России в европейскую и мировую цивилизацию.

Установка на формирование модели *авангардной* партии обернулась, как известно, превращением ее из несостоявшегося «передового борца» за демократию в политического монополиста с диктаторскими амбициями. Вплоть до Октябрьского переворота, а равно и в последующий период, партия, по замыслу Ленина, *фактически* должна была выполнять функции «регента» по отношению к пролетарской массе, поскольку без ее «руководительства» последняя якобы обречена на стихийное или «инстинктивное» осознание своих классовых интересов. Плеханов, напротив, уже в самом начале партийного строительства главную задачу его видел не в безусловном утверждении отстаиваемых Лениным организационных принципов партии «нового типа», а в том, чтобы *с ее помощью* трудящиеся массы, и рабочий класс прежде всего, были способны *самостоятельно и сознательно* участвовать в политике, не полагаясь всецело на «вождей» и не становясь заложниками аппаратного бюрократического «централизма».

Плеханов отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в создании *гражданского общества*, могущего успешно противостоять любой его форме. *Эта нереализованная и к началу XXI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России.*

Выбранная Плехановым тактика разумного, по *европейским* меркам «скроенного» компромисса как *единственной* реальной политической альтернативы левому и правому экстремизму потерпела поражение вовсе не потому, что не отвечала коренным общенациональным интересам, как об этом принято было, «сгущая краски», говорить в советский период. Эта попытка не была, строго говоря, и утопической, ибо на волне всеобщего неприятия повержен-

ного абсолютизма вполне могли получить продолжение общедемократические, а не выдвинутые большевиками «социалистические» лозунги. Однако на практике раскачать «лодку» российской государственности с тем, чтобы опрокинуть ее, оказалось задачей гораздо *менее сложной*, чем направить ее в русло осуществляемых Западом демократических преобразований. В стремлении к проведению, по выражению Ф. Энгельса, «коммунистических опытов» большевики прилагали *все* усилия для того, чтобы *сорвать достижение общенационального консенсуса*, лишить какого бы то ни было позитивного смысла деятельность всех остальных партий и, выдвигая ультрареволюционные лозунги, выстроить общую логику движения событий в нужном *для себя* направлении. Было бы очевидной апологетической уступкой списывать со счета их явное нежелание «притормозить» нараставшие в стране разруху и хаос, которым партия «нового типа» весьма эффективно противопоставила мощь своей внутренней «железной» организации.

С другой стороны, и октябрьский выбор оказался далеко не случайным зигзагом в российской истории. Однако корни такого рода «закономерности перехода к социализму» хотя и ведут к марксизму, но предварительно «прорастают» сквозь толщу социально-психологического склада – «коллективного бессознательного». Секрет успеха большевизма, как справедливо полагал Н.А. Бердяев, лежал не в научно-теоретической плоскости, но в *органическом синтезе* «русского мессианизма с пролетарским мессианизмом». Эта бердяевская формула, указывая на притягательность «идеологически скрепляющих символов» в эволюции «русской идеи», и раскрывает закономерность утверждения столь односторонне понятого марксизма на российской почве. Анализируя тактические взгляды большевиков, Плеханов (солидаризируясь, кстати говоря, в этом вопросе с мнением Бердяева) высказывает весьма примечательное предположение о том, что *в условиях России Маркс был бы, пожалуй, чистейшим меньшевиком* [8, с. 410].

Так или иначе, на гипертрофию созвучной массовому сознанию идеологической составляющей марксизма вынуждены обращать внимание все исследователи. Отсюда, казалось бы, вполне логично допустить, как полагает и С.В. Тютюкин, что важнейшей причиной прижиз-

ненного поражения Плеханова явилось отсутствие «массовой поддержки», вследствие чего он оказался «изолированным от большой политики». Однако можно ли согласиться с тем, что «политика была, мягко говоря, *не самой сильной стороной* его многогранной деятельности», на том основании, что «здесь Георгия Валентиновича *переигрывал* не только Ленин, но и некоторые *гораздо более посредственные* люди», а сам он «не мог предложить народу *ничего равноценного* большевистскому максимализму»?

Искусство политического руководства безусловно предполагает *умение вести за собой* определенную часть общества, но при этом, во всяком случае, *не менее важное* значение имеет «выбор пути». Тот факт, что в деморализованной военными неудачами стране притягательность большевистской программы значительно уступала предпочтениям многомиллионного крестьянства, в полной мере выявился в январе 1918 г. в ходе работы Учредительного собрания, которое, по выражению Плеханова, «обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России». Решительно осуждая введенную *от имени* пролетариата диктатуру *партии*, Плеханов в последней своей прижизненной статье снимал с себя ответственность «как теоретик русского марксизма... за всякое *нелепое и преступное* действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят» [9] (курсив мой. – М.К.).

Указывая в резюмирующей части своей оценки Плеханова-политика на неизбежность его «политического одиночества», С.В. Тютюкин забывает добавить, что все, в том числе и весьма «посредственные», противники Плеханова «переигрывали» его именно за счет «понятного» массам, но по сути достаточно примитивного вульгарно-идеологического (т. е. уже *догматического*) алгоритма мышления. Социальная демагогия в арсенале используемых большевиками средств идеологического воздействия играла важнейшую роль. Ее манипулятивный потенциал многократно возрастал вследствие низкой политической культуры российского электората, ведомого такими мастерами «жанра», как пламенный трибун Троцкий, а впоследствии и прибравший к рукам всю полноту власти Сталин. К этой когорте революционеров, как ни прискорбно, следует причислить и Ленина, причем в качестве «первопроходца». Критически оцени-

вая ленинские произведения, сегодня уже трудно отрицать, что свойственные софистике в мышлении и демагогии в риторике приемы аргументации он практиковал на протяжении всей своей четвертьвековой революционной деятельности, начиная с критики весьма односторонне понятой им идеологии народников [10, с. 188-205]. Тем не менее, ни до, ни после него ни один российский политический деятель харизматического типа не оказывал в своих публичных выступлениях столь магнетического, завораживающего воздействия на аудиторию.

Традиционно объяснение подобному эффекту находят главным образом в неподражаемом ленинском умении переводить теоретически сложные проблемы на язык, доступный неподготовленным к их усвоению слушателям. Однако Ленину при ближайшем рассмотрении отнюдь не всегда удавалось безошибочно нащупывать грань между *популяризацией* и *вульгаризацией* теоретического знания, по крайней мере, в части интерпретации социально-философской проблематики марксизма. Именно здесь им были допущены теоретические ошибки, последствия которых дают о себе знать до сих пор. Следуя по пути недиалектического отождествления научного знания с содержанием пролетарской идеологической теории, он придает «тощей абстракции» – понятию «диктатуры пролетариата» – статус «*абсолютной идеи*», гипертрофирует роль субъективного фактора в истории, формулирует в духе критикуемого им самим «**абстрактного** тождества» соотношение социальной и политической революции, демократии и диктатуры. Отмечая методологическую ущербность «голового», «зряшного» отрицания в теоретическом познании и избегая такого подхода при решении *частных* вопросов, Ленин остается, тем не менее, по своим убеждениям *в целом* радикальным (т. е. ортодоксальным) марксистом. Между тем весь исторический опыт человечества убедительно свидетельствует о том, что чем более радикальным в *одномоментном* (прежде всего политическом) измерении является отрицание, тем более «зряшный» характер оно демонстрирует.

Объяснение возникающим расхождениям Ленин находит в своеобразии «текущего момента». Однако ссылка на значимость практики в апробации теоретических положений не освобождала, а лишь усугубляла те «острые» углы,

которые явственно обнаруживались в противоречиях формально-логического порядка. Наряду с отмеченными важнейшим, концептуально определяющим из их числа явились взаимоисключающие ленинские представления по вопросу о сущности и роли монополистических объединений в общественном развитии. Справедливо утверждая, что «всякая монополия... порождает неизбежно стремление к застою и загниванию», он не сомневается в то же время в превосходстве формируемой под его руководством однопартийной системы, претендующей на безраздельный монополизм *во всех сферах* общественной жизни.

В свою очередь, не только теоретическая, но также и политическая позиция Плеханова не «проигрывает», а, напротив, многократно «выигрывает» как раз постольку, поскольку он оставался принципиальным противником того, что на современном языке именуется «достижениями» PR-технологии. Указывая на пагубность манипулирования общенациональными лозунгами с опорой на сферу социальной психологии, Плеханов, разумеется, «не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому [в основе своей – русскому. – М.К.] максимализму», а следовательно, не мог рассчитывать и на незамедлительное и *полное* взаимопонимание со стороны трудящихся масс. Для того чтобы они смогли осознать *собственные* интересы, от партийного авангарда требовалось, как справедливо полагал Плеханов, не разжигание страстей и «подыгрывание» инстинкту классовой ненависти, а упорная и кропотливая работа по формированию политической культуры, работа, в значительной степени уже проделанная «соглашательски» настроенной западной социал-демократией. Самым весомым итогом ее явилась бы в случае успеха вошедшая, что называется, в плоть и кровь способность, не теряя уверенности в конечной цели, *последовательно* двигаться к ней, избегая кровопролитных социальных потрясений и руководствуясь той разновидностью компромиссов, которая ассоциируется с политической *мудростью* и которую, кстати говоря, вполне допускал и Ленин. Весь вопрос, однако, в том, *что именно* принимать за «коренные» интересы «самого передового класса» и гарантии исторической необратимости социальных достижений.

Объяснение далеко не всегда может служить оправданием. Но С.В. Тютюкин все же гораздо ближе к истине, когда указывает на то, что превращение Плеханова «в глубоко трагическую фигуру отечественной истории» было вызвано тем, что его «идеи... *обгоняли* свое время... *контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев русского общества* и их *низкой* политической культурой... не вписывались в анархо-бунтарские, *грубо-уразнительные настроения широких народных масс...*» [1, с. 335] (курсив мой. – М.К.). Иначе говоря, предпринятая Плехановым *исторически назревшая попытка перехода к строительству гражданского общества* не дала ожидаемого эффекта потому, что резко диссонировала с тем, что принято считать *незыблемой и неизменной* основой любой этнической общности – ее менталитетом. Вместе с тем, допуская, что представленные в теоретическом наследии Плеханова «идеи... обгоняли свое время», придется отвергнуть причастность его к вышеприведенным обвинениям в догматизме, сдаче «позиции теоретикам нового поколения марксистов», а также не согласиться с тем, что он «не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка».

Между тем, оценивая как теоретический, так и политический ресурс «отца» русского марксизма, его биограф согласно общепринятой схеме исходит из того, что если мыслитель не «вписывается» в структуру «национального духа», в этом противостоянии он может выбирать только между вынужденным приспособлением и неизбежным поражением. «Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам, – пишет С.В. Тютюкин, – *не соответствовали* ни степени зрелости русского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их *менталитету, для которого плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными*» [1, с. 373] (курсив мой. – М.К.).

Но ведь Г.В. Плеханов как раз по этой причине полагал, что рабочий класс еще не готов взять власть в свои руки. «Передоверие» же тяжелого груза властных полномочий партийному «штабу», по его убеждению, только провоцирует неоправданное насилие и дискредитирует социалистическую идею.

Список использованной литературы:

1. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 376 с.
2. Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1928. Сб. 6.
3. Литературное наследство. М., 1935. Т. 19-21.
4. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // ПСС. Т. 3.
5. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – Т. II. – М., 1956.
6. Лукач Г. Что такое ортодоксальный марксизм? // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003.
7. Ленин В.И. О кооперации // ПСС. Т. 45.
8. Плеханов Г.В. Соч. Т. XV.
9. Плеханов Г.В. Буки Азь – Ба // Наше единство. 1918, 11, 13 января
10. Котельников М.Е. Ленинская полемика с народниками в социологическом анализе пореформенной России // Личность. Культура. Общество. М., 2008. Т.Х. Вып. 1 (40).

Сведения об авторе: Котельников М.Е., доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Московской финансово-юридической академии, кандидат философских наук
127018, г. Москва, ул. Суцеский вал, д. 49, стр. 1, тел. (495)7950550, 7950551 доб. 1392,
8-800-2000-550, e-mail: mek@drofa.ru

Kotelnikova M.E.

«Father» of Russian Marxism against Marxist orthodoxy

The phenomenon of orthodoxy in Marxism continues to stay open to question and analysis object, which is not enough researched. And G.V. Plekhanov is not always consistent and persuasive in its appraisal. But history confirmed its right in the main point: the deciding reason of Bolshevism defeat was that the model «the Vertical of power» created with it was an insuperable obstacle on the way of civil society forming.

Key words: Marxism, dialectics, orthodoxy, dogmatism, methodology, ideology, contradiction between «spirit» and «letter», identification crisis of Marxism, mentality.

Bibliography:

1. Tutukin S.V. G.V. Plehanov. Destiny of Russian marxism. M.: «The Russian political encyclopaedia», 1997. – 376 with.
2. Plehanova R.M. Our life before emigration // Group «work Clearing». M.–L., 1928. Сб. 6.
3. The literary inheritance. M., 1935. Т. 19-21.
4. Lenin V. I. Capitalism development in Russia. Process of formation of home market for large-scale industry // Т. 3.
5. Plehanov Century the Selected philosophical products. Т. II. – М., 1956.
6. Lukatch G. Chto such orthodox Marxism? // History and class consciousness. Researches on Marxist dialectics. M., 2003.
7. Lenin V. I. About cooperation // Т. 45.
8. Plehanov G.V. Soch. Т. XV.
9. Plehanov G.V. Buki Az – Ba // Our unity. 1918, 11, on January, 13th
10. See: Kotelnikov M.E. Lenin's polemic with populists in the sociological analysis of Russia // the Person. Culture. A society. M., 2008. Т.Н. Вып. 1 (40).